

СОБАКА НА ПОГОСТЕ

Собака дремлет на погосте,
На свежем холмике лежит.
Ей редкий гость не кинет кости,
С небес не бросит тень зенит.

Под нею спит в земле хозяйка,
Ей сон хозяюшкин храним.
Чистопородна – алабайка,
С такой начать бы новый Рим.

У морды лапы положила,
Звездой баюкает слезу.
И чтоб сберечь ей как-то силы,
Пьет необильную росу.

Никто ей миску не наполнит
Ни кашей с мясом, ни водой.
Ей миску месяц лишь напомнит,
С полуночной своей лудой.

А мир сужается до этой
Могилки свежей, до креста.
И с возгласом немым воздеты,
Как руки, ветви у куста.

Вблизи все холмики осели,
Цветы похожи на золу.
И если месяц тучи съели,
Завоет, сирая, во мглу.

Есть доброта в собачьей злости.
Такую не пересидеть –
Ее, лежащей на погосте,
Отсюда сгонит только смерть.

Ничто к себе ее не сманит –
Ни будки новой сытый кров,
Ни млечность в темном океане,
Ни стая звездных Гончих псов.

Не очень-то нас манит вечность,
Как и не радуется исход.
Да будет жить собачья верность
И с нами вместе не умрет.

Когда, не простившись, уйду,
(Все уходят поодиночке),
В надтреснутом сердце тая
Колокольню – расколотый звон,
Пожалуйста, помни меня
И любовно отыскивай в строчках,
Не бойся, тревожь иногда
Не земной запредельный мой сон.

Считал, не поймешь,
Отчего я такой беззащитный,
Зачем мое сердце так часто
Стучит вперебой,
И от беззащитности
Меньше открытый,
Чем скрытый.
Так оберегаю
Я чистую нашу любовь...

Когда, не простившись, уйду,
Не по собственной, право же, воле,
Живи – как живешь,
Но меня вспоминай иногда,
Прощая за все, в чем я был
Или не был виновен,
Пусть боль не коснется тебя
И да минет беда.

Чтоб и без меня не страдала
От холода или от ветра,
Была и с другим, как со мной,
Неизменно верна и чиста,
Пока в свой положенный час
Не отделится облачком света
Душа – и вся прошлая жизнь
Не свернется в ладошке листа...

Нам ведать всего не дано,
Но не стоит быть даже провидцем,
Чтоб знать, как нужны
Мы с любовью своей небесам.
Прощаю за всё наперед,
Все боюсь, не успеем проститься:
Прощенье для нас на земле –
Как залог для спасения там.

Мне был нужен очень
Осенью закруженной
Черный бархат ночи
Для моей жемчужины.

Только мне назначенной,
Нежной и несмелой.
С ней мое незрячее
Сердце не прозрело...

Только мной обласканной –
С макушки до пяток,
Были просто сказками
Ночи с ней когда-то.

С темной поволокой
Бархатные очи
Потерял до срока.
Наш удел непрочен...

Рези жаркой стужей,
Как морской песочек,
До слезы жемчужной
Мое сердце точат.

Больше нет жемчужины –
К звездам закатилась...
По ночам разбуженный,
Если вдруг приснилась –

Всматриваюсь в небо
Бархатное, млечное,
Повстречаться мне бы
С ней – уже навечно...

Сердце не справляется с весной.
А весна в глазах лучится женщин,
И от каждой свой сюрприз обещан –
Залучить хотя бы от одной!..

Сердце бьется – хрупкое оно,
Ну да как от боя поберечься?
От любви сердечной не заречься –
Через край расплескивать вино.

Я за сердце гулкое держусь,
Но заулыбаюсь первой встречной,
А над нею дымкой подвенечной –
Видите? – моя витает грусть.

Сердце мой отстукивает век.
Что же я, в расчете на бессмертье,
Жму свое щемящее предсердье?
За весной беру я свой разбег.

Всем страстям владычицей весна!
Ей царить над нами вековечно,
Быть такой сердечно-бессердечной,
А другой не станет ведь она.

Сердце птахой раненой в груди,
Все равно весну благословляю
Я за мимолетный отзвук рая!
Все равно, что будет впереди.

Пускай со мной не венчана,
Пусть мой тревожит сон, –
Живет во мне та Женщина,
В которую влюблен.

Все лучшее от встреченных
На стать – как свет на нить
Нанизано – у Женщины,
Что мне одну любить.

Изменами не мечена
В страстях, как на огне,
Ни в чем не переменчива –
Такой она во мне.

И не заронит ревности
С мольбою к небесам –
Она образчик верности,
Поскольку верен сам.

Сто раз мне быть разлюбленным,
Обиды не тая.
Не даст мне стать погубленным
Та Женщина моя.

Моя родная Женщина
Ничуть в своих глазах
Не даст мне быть развенчанным
При всех моих грехах.

Пускай все нереальнее,
Чем ближе к небесам, –
Она все идеальнее,
Поскольку лучше сам.

Пускай томим несбывшимся,
У ностальгий в плену,
Останусь я влюбившимся
Навек в нее одну.

И пусть по сердцу трещина,
Не стану я лишен
Во мне той самой Женщины,
В которую влюблен!

Я от стен городских возвращаюсь в деревню,
А в округе щепоть сохранившихся изб.
И над рощами стелется, трепетно рея,
Дым крестьянской избы – отделившийся нимб.

Не лежала душа к суетливости смолоду,
Смута от суеты наступала в душе.
Не влекло к толчее неумолчного города,
А любил постоять и пройтись по меже.

И теперь я отшельничать стал не на шутку,
Как под солнцем земля – по срединной оси,
И следить за полетом гуся или утки,
И ловить уплывающий образ Руси.

Ты, деревня, становишься все нелюдимей,
Не с того ли и я становлюсь нелюдим.
Русь! – твержу заклинанием росное имя,
Что уносит с собой уплывающий нимб...

Кинул снег на подоконник
Россыпь белых роз.
Облака – лихие кони –
Мчатся среди звезд.

И любовь – она как вьюга
С белой кутерьмой,
Мчит по кругу даже к югу
С русской зимой.

С нежным жаром и остудой
Любим – горячо,
И любые пересуды
Все нам нипочем!

Как на лицах молодецки
Кровь горит огнем!
А на окнах льдистых фрески
В блеске слюдяном.

Пар остывший, пар белесый
Окна оковал,
Чтоб в морозах бес из бесов
Тоже русским стал.

Так хочу я, чтобы песня –
С голоса, с руки –
Силой выразилась крестной,
Вьюгам вопреки.

И теперь уже не страшно
Вьюги полюбить,
И в застолье вместе с брашном
Горечь всласть испить.

И закусывая хрустко,
Загрустить легко,
И любить весь мир по-русски
Звонко, широко!

ТВАРДОВСКИЙ И ТЁРКИН

О, край наш Смоленский, ты славой объят!
Застыли в живом разговоре
Твардовский и Тёркин, поэт и солдат,
Беседуют, с вечностью споря.

У них за плечами года и года,
И в будущем – годы и годы.
Легла им вселенски на плечи беда,
Юдоль разделили с народом.

И жертвовать им приходилось собой
Не славы, не почестей ради.
Стройны, словно сбросили ношу долой
И все непомерные клады.

О чем же они говорят и молчат,
Копя сокровенные думы?
Когда к ним приходим с тобою, собрат,
Не слышно площадного шума.

Стоит на холмах незакатный Смоленск:
Как Рим, его славу не свергли.
А где-то расцвел рассекреченный Энск,
Встал русский рассвет в Кенигсберге.

Жаль, мир на земле не наступит никак,
Мир в распрях погряз и безверии.
От войн он все больше пустынен и наг,
От алчности люди – что звери.

Встает с пересмотром всех наших побед
Как будто бы сын славянина –
Оуновской своры нацистский послед
С удавкой и керосином.

Под мир подложили майданный фугас
Псы новых кровавых сражений.
Кто знал, что опять подожгут наш Донбасс
Воскресшие призраки–тени?

Предвидел ли кто-нибудь эту войну
Меж близких славянских народов?
Рвут братские узы и рушат страну,
Свободы чужой сумасброды.

Не наш Украинский, по-ихнему, фронт.
Так, может, и фронт Белорусский?
Пусть реет в Крыму Черноморский наш флот,
Пред ним сверхдержавы – моллюски.

Победы величье у нас не отнять,
Какие б века ни настали.
Весь мир наши деды смогли отстоять,
Чтоб нам открывать даль за далью.

Быть может, об этом вдвоем говорят,
А может быть, и не об этом, –
Твардовский и Тёркин, поэт и солдат, –
Две наших земные планеты.

Россия во всем виновата всегда...
И в том, что щитом для Европы
Явилась, когда шла с Востока беда
Монголо-татарским потоком.

И в том, что Европу не смог Бонапарт
Подмять под сапог свой со шпорой.
Своими потерями мир от утрат
Россия спасла, от разора.

Спасла и потом от фашистской чумы,
От всех кровожадных вандалов.
Откуда сегодня так много из тьмы,
Как бесов, их повыползало?

На части пространство великое рвут,
Как будто бы волки добычу,
Куда мы и мирный и ратный свой труд
Внесли, обретая величье.

И все норовят на Россию списать
Просчеты свои, недороды.
А если опасность? –
Опять всех спасать
И жертвовать русским народом?

А может быть, хватит
Бессмысленных жертв?
Не станем спасать их столицы,
Пока нанесенный Отечеству вред
Весь не возместится сторицей.

Узнают пускай, что мы тоже горды
По праву большого народа,
Что мир от чумы оградил, от орды,
От бесчеловечных походов.

Я, может быть, больше других виноват
Сейчас – призывающий в раже:
На место верните гранитных солдат,
Стоявших у мира на страже!